

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.118-130

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РЕЧИ ОДНОГО РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ОТ 4 ДО 5 ЛЕТ

М.Б. Елисеева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191086, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено детское окказиональное словообразование в его динамике: словообразовательные инновации в речи одного ребенка в возрасте от 4 до 5 лет сопоставлены с инновациями этого же информанта до 4 лет, проанализированными ранее. Представлен качественный и количественный анализ направлений словообразовательной деривации (прямого, обратного, заменительного) и всех способов словообразования, используемых ребенком при словопроизводстве. Описана (качественно и количественно) частеречная природа мотивирующих и мотивированных слов (инноваций). Рассмотрены словообразовательные модели, по аналогии с которыми ребенок конструирует окказионализмы, и сопоставлены с данными предшествующего этапа. Проанализированы причины утраты актуальности некоторых деривационных моделей в речи ребенка: исчезновение потребности в вербализации определенных фрагментов действительности, освоение модели в предшествующий период и потеря интереса к ее формальной стороне, коммуникативная прозрачность модели (однозначность ее понимания взрослым); продуктивность морфем. Описано появление новых словообразовательных моделей (общих и частных) рассматриваемого возрастного периода, поставлен вопрос о типичном и индивидуальном в детском словообразовании.

Ключевые слова: онтолингвистика, речевой онтогенез, окказиональное детское словообразование, детские инновации, окказионализмы, индивидуальная языковая система

Детское словообразование – невероятно привлекательная область для исследователей речи детей. Ему посвящены основополагающие работы С.Н. Цейтлин: описана история изучения детских речевых инноваций русскими и зарубежными лингвистами начиная с XIX в., а с 50-х годов XX в. – психологами и психолингвистами; подробно рассмотрены различные точки зрения, касающиеся обоснования причин окказионального словообразования (прежде всего – систематизации и генерализации языковых фактов и построения в результате собственной грамматики языка). Исследователем скрупулезно проанализированы механизмы образования инноваций и модели окказиональной детской деривации [1].

Собственно языковые и внеязыковые факторы, помогающие ребенку дошкольного возраста овладеть словообразованием, также указаны в работах С.Н. Цейтлин: «наибольшее подобие в формообразовательном отношении производного и производящего слова» [2, с. 107]; унифицированность основы мотивирующего и мотивированного слова; продуктивность словообразовательного

типа; частотность в речи взрослых производящих слов, а также производных слов, созданных по определенной модели [1].

Вслед за основоположником отечественной онтолингвистики Н.М. Введенская описывает «каркас русской грамматики», обобщая типичные явления детской речи, анализируя в том числе и окказиональное словообразование. Конструирование слов русскоязычным ребенком следует определенными тенденциями: основа слова не изменяется, используется один продуктивный словообразующий элемент (или набор элементов) для создания одного типа форм или слов; грамматические правила применяются всегда, заполняя не только относительные языковые лакуны, но и абсолютные [3].

В настоящей статье анализируется окказиональное словообразование в речи одного ребенка – Лизы Е. – от 4 до 5 лет. Дневник спонтанной речи велся автором исследования от рождения девочки до 10 лет и является частью Фонда данных детской речи Лаборатории онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена. Словообразовательные инновации этого ребенка были подробно рассмотрены в прежних публикациях [4–6].

Мы ставили своей целью изучить, как постепенно развивается детское словообразование (его особенности у детей до 4 лет и от 4 до 5); в частности, нас интересовали ответы на следующие вопросы:

- 1) каковы направления деривации (прямое, обратное, заменительное) и способы словообразования, используемые ребенком при создании собственных слов;
- 2) к каким частям речи относятся инновации и каково количественное соотношение слов каждой части речи в общем числе инноваций;
- 3) от каких частей речи образуются окказионализмы и какова частеречная пропорция производящих слов;
- 4) по каким моделям ребенок конструирует окказионализмы и что можно назвать типичным;
- 5) какие модели теряют актуальность к 4 годам и почему;
- 6) какие новые модели (общие и частные) появляются в речи ребенка от 4 до 5.

Для возможности сопоставления следует указать и количество словообразовательных инноваций в речи нашего информанта в разные возрастные периоды: с 1.9 до 3 – 83, от 3 до 4 – 196, от 4 до 5 – 113. Мы наблюдаем незначительное количество словообразовательных окказионализмов до 3 лет (формообразовательных в этот период – более чем в три раза больше), затем значительный рост, а впоследствии даже некоторое (относительное) уменьшение.

Однако проявления языковой рефлексии ребенка свидетельствуют о внимании и интересе к словообразовательной структуре слова, о психологической реальности морфем в детском сознании. Приведем фрагмент из дневника, где вопрос о суффиксе эксплицирован: «Несколько раз читали один и тот же рассказ Грабовского – “Муха с капризами”. Книга большая, но Л. просит читать каждый раз один и тот же рассказ. Спрашивает: “А почему он Лордишка?”. Реагирует на экспрессивный суффикс, хочет снова и снова слушать мое объяснение» (4,5,9¹). Этот вопрос можно отнести к «эксплицированным рассуждениям о языке» [7] как проявлениям языковой рефлексии: не высказано прямо, но имеется в виду

¹ Возраст ребенка указан нами следующим образом: количество лет, месяцев, дней (например, 1,2,3 – один год, два месяца и три дня).

(почему его называют *лордишка*?) В 4,4,23 рассуждает перед сном, в кровати: «*Бывает муравьед, бывает мухо-ед, бывает саба-ед*». – *Кого же он ест?* – «*Собак*». (В зоомузее был осоед, я думаю, он превратился в мухоеда)». В этом случае рефлексия еще более очевидна и развернута, и фокус внимания ребенка – опять морфемный состав слова.

Представим результаты количественного анализа, сопоставляя данные периода до 4 лет (см. [4–6]) и от 4 до 5 (рис. 1).

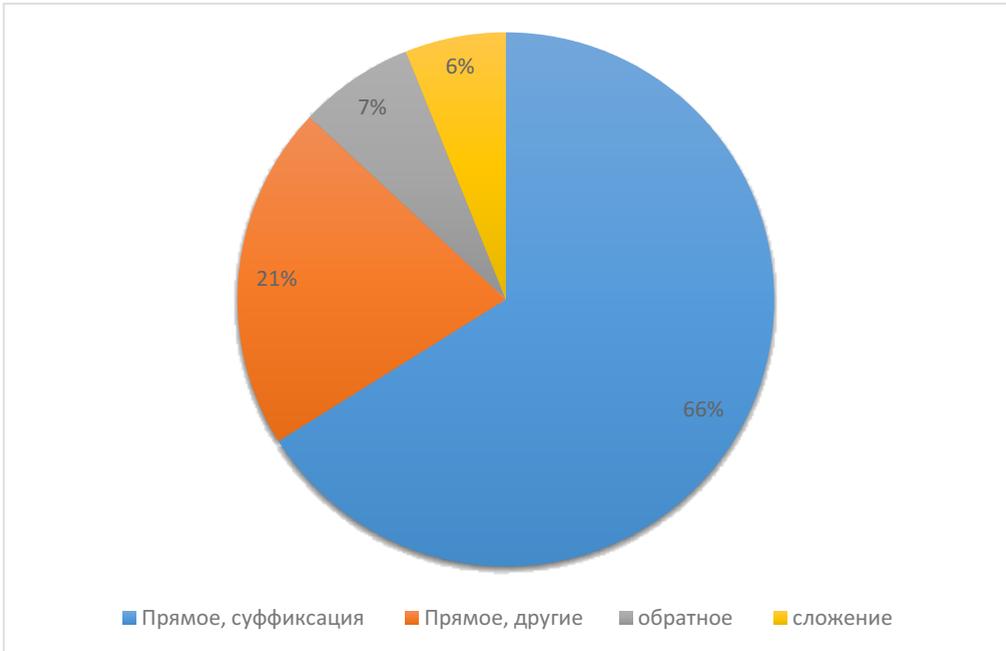

Рис.1. Направления деривации и способы словообразования (в процентах) от 4 до 5 лет

Процентное соотношение направлений деривации и способов словообразования в возрасте от 4 до 5 лет мало отличается от аналогичного соотношения в предыдущий период – от 3 до 4: доли прямого суффиксального словообразования совпадают – 66%, процент остальных способов прямого словообразования стал чуть больше – 21%, но учтем, что в этот показатель попали и случаи сложения (4 примера), которое сейчас мы сочли необходимым дать отдельно: оно становится более продуктивным (6%).

Количественный показатель обратного словообразования совпадает с предыдущим периодом – 7%. Однако качественно оно отличается: на данном этапе (4–5 лет) это исключительно депостфиксация, причем есть только один глагол в инфинитиве (*появить детей*²), остальные случаи – действительные причастия, причем в дневнике отмечено, что такие ошибки частотны: «*“Это лежит кончившее уже”* – в значении *кончившееся, отрывающая=отрывающаяся; валящие=валящиеся*³; *открывающая крышка=открывающаяся*. Возможно, одна

² В 4,3,24 придумывает сказку, глядя на горшок с кактусами: «*Они думали, что появил папа этих детей. А на самом деле это дочка появилась этих детей*» (имела в виду: дочка этого папы).

³ Действительное причастие было образовано, вероятно, от собственной формообразовательной инновации, отмеченной в 3,11,25: «**Я увидела валящиеся палочки. Они валялись**». В 4,2,21 записан следующий пример: «*Валящие буквы надо сюда класть в пакетик=валяющиеся (на полу)*».

из причин устойчивости таких ошибок – фонетическая: непросто сказать такое длинное слово: (4,3,25) “У меня такая открывающая крышка”. Не могла даже повторить правильно вслед за мной причастие». Известно, что это одна из разновидностей грамматических ошибок, характерных для просторечия, но в детской речи они появляются независимо от речи взрослых. В 4,7,27 в дневнике отмечается, что ребенок употребил деепричастие *увидев*, и рядом указано: «Кажется, перестала терять постфикс у причастий (сказала “потерявшийся”)».

Разновидности обратного словообразования в предшествующий период (до 4 лет) – в основном образование глаголов в различных формах (но не в форме причастия) с депостфиксацией, а также десуффиксация существительных (*удка* от *удочка*, *матрѐха*) и депрефиксация глаголов и прилагательных.

Отметим, что в речи Лизы от 4 до 5 полностью отсутствует заменительная глагольная префиксация (до 4 лет было пять таких случаев – 3%), поэтому общее количество случаев прямого словообразования увеличилось – 97% (от 3 до 4 – 91%). Позже заменительная префиксация появится снова, ср. в 8,4,5: «“Колобок вспух, а потом опух”. Я исправляю, говорю, что есть слово *опух* с другим значением. Л. повторяет свое и показывает, как именно колобок “опух”». Другой пример – инновация с большей степенью осознанности, на грани с языковой игрой – в 8,1,29: «Украшали елку. Говорит: “Сейчас наряжаем, а завтра будем разряжать”. Я уверена, что Л. знает, что такого слова нет, но это ее не смущает».

Слова каких частей речи образует ребенок? Как мы видим, в целом их соотношение осталось тем же самым: больше всего существительных (их процент стал еще выше – 43% в сравнении с 37%), на втором месте – глаголы (их относительная доля, напротив, несколько уменьшилась – 30% в сравнении с 38%), на третьем – прилагательные (количество осталось таким же – 24%). Процент наречий по-прежнему очень низок, однако чуть увеличился. Сравнение с данными предшествующего периода см. на рис. 2.

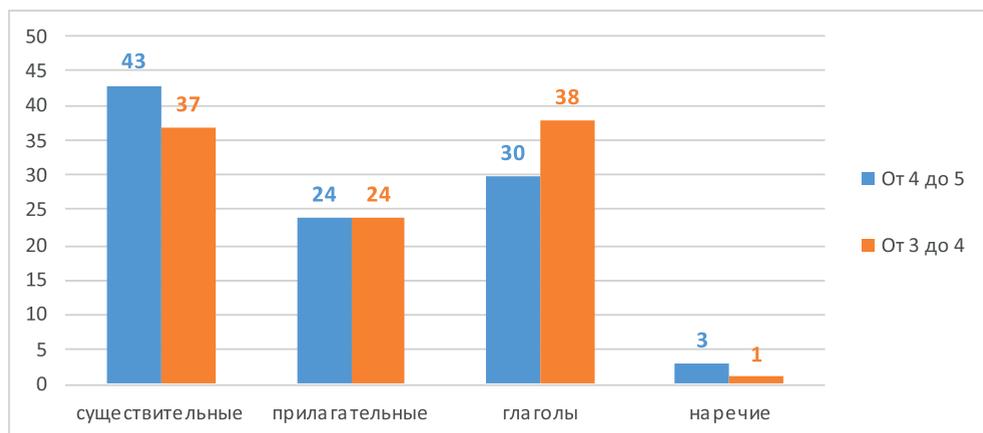

Рис. 2. Частеречное соотношение словообразовательных инноваций (в процентах) от 4 до 5 лет

Следующий вопрос – от каких слов ребенок образует свои окказионализмы? Среди производящих слов предсказуемо больше существительных и глаголов. Аналогичная картина наблюдается как в возрасте от 3 до 4 лет, так и от 4 до 5: но если доли отсубстантивов и отвербативов ранее были одинаковы (по 46%), то

теперь отглагольные дериваты преобладают (46% при 40% отсубстантивных). С.Н. Цейтлин писала об абсолютном приоритете отглагольных дериватов в речи детей, не указывая на возраст, – мы видим это как тенденцию.

Несколько возросло количество отадъективных окказионализмов (9% по сравнению с 6%) и отадвербиальных (4% по сравнению с 1%). Производных от междометий глаголов по-прежнему 1%⁴. Соотношение типов инноваций по частеречной природе производящего слова от 4 до 5 лет представлено на рис. 3:

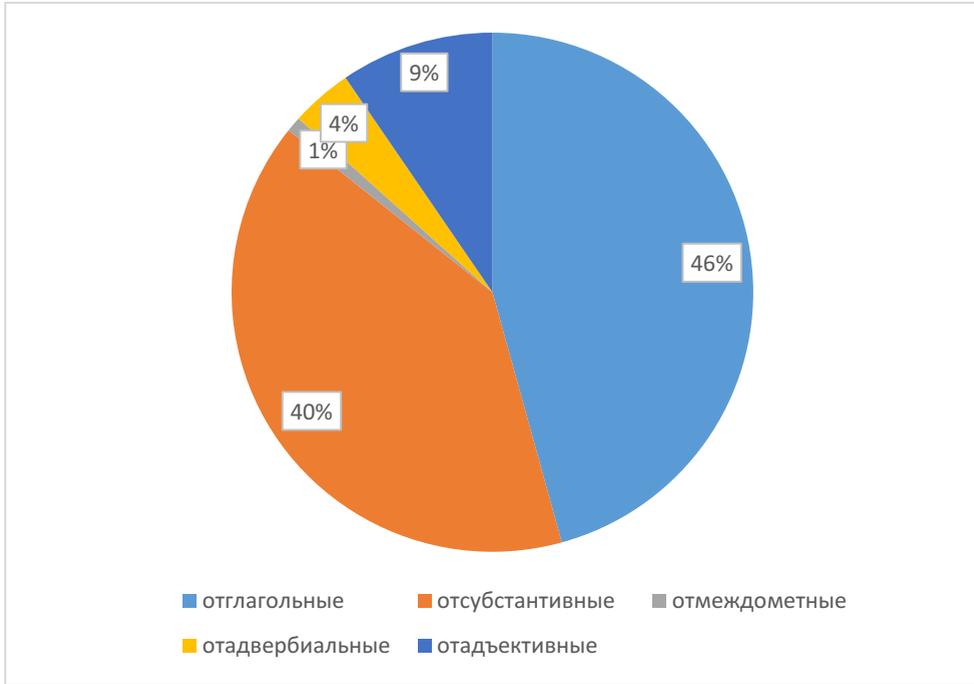

Рис. 3. Типы инноваций по частеречной природе производящего слова (в процентах) от 4 до 5 лет

Переходим к анализу словообразовательных моделей, осваиваемых ребенком от 4 до 5 лет. Мы обнаруживаем, что подавляющее большинство моделей, по которым ребенок создает инновации, «перекочевали» из предшествующего периода, хотя морфемарий пополнился некоторыми новыми суффиксами. Некоторые из морфем, использовавшиеся ранее, теперь не отмечены.

Назовем основные модели с примерами из речи ребенка.

1. Отглагольные существительные с нулевой суффиксацией и с суффиксом *-ниј-*, обозначающие отвлеченный процессуальный признак: *напада*⁵, *пах* («По паху подумала, что это картошка»), *заниманье*, *прыганье* (от 3 до 4 лет подобных образований было больше). Новыми являются суффиксы *-тьј-* (*грызтьё*), *-ств-/тельств-* («Я в бегство играю» (бегая с раскидаем – игрушечным мячиком на веревочке – по квартире), *съедательство растеньев*). Сюда примыкает одно отсубстантивное существительное с суффиксом *-ств-*, обозначающее наличие того, что названо в мотивирующей основе: *водопадство*.

⁴ В 4,2,16: «Играет в лошадку. Я не поняла, кто она – лошадка или ездок. – Лошадка, иди сюда. – Я не лошадка. Я нокаю – значит, я человек».

⁵ В 4,5,6: «Лиса только на курицу может напасть. На курицу будет страшная напада».

2. Отглагольных существительных со значением 'предмет или лицо, совершающие действие' стало меньше (из прежних есть суффиксы *-к-* и *-лк-*, хотя прежде употреблялись также *-вк-*, *-юшк-*, *-очк-*): *отпечатка* (о маленькой печати), *вырезалка* (о том, что можно вырезать). Зато зафиксировано три новых суффикса: *-унец* («*Детки все одеты в такие плавунцы*») и новые суффикса лица *-вник*⁶ (*шаловник*) и *-тель* (*креститель* – о священнике). В последнем случае «ребенок учитывает прежде всего базовое словообразовательное значение слова, а не частное. Вследствие этого сконструированные ребенком слова могут совпадать с существующим в конвенциональном (стандартном) языке, но не соответствовать частному» [2, с. 107].

3. Отадъективные существительные, обозначающие абстрактный признак, встретились только дважды, уже использован не только суффикс *-ость*, но и *-от-*: *сладкость* и *сухота*. Не было зафиксировано производных от прилагательных слов со значением лица с суффиксом *-як*, но появилась единица с суффиксом *-иц-*: *отважница* (о мышши). Новые суффиксы *-ниц-* и *-щиц-* со значением лица и модификационным значением женскости использованы при образовании отсубстантивных существительных: *поварщица*, *нарядница* и *красотница*.

4. Отсубстантивные существительные с нулевой суффиксацией, обозначающие родовые корреляты мужского пола, встречаются, как и раньше, хотя их стало меньше (о папе, в игре: *крольчих*, *зайчих*; *подруг*, *подружк*), в то время как женские корреляты по-прежнему многочисленны – в основном с суффиксом *-их-* (*кактусиха* (говорили о «детках» растений), *медвежиха-точилка*, *медвежиха*, *котиха*, *мышиха*, *лягушиха*, *утиха*, *кенгуриха*), а также впервые использованы суффиксы *-иц-* и *-к-* (*кенгурица*⁷ и *петербуржска*⁸). Частотность окказиональных родовых коррелятов обусловлена желанием играть и необходимостью этих слов в игре: «*Давай ты будешь мамой-утихой, а я буду девочкой*». Предлагает мне также быть *медвежихой*, *котихой*. При этом на картинке, выполняя задание, называет правильно: *курица*, *утка*, *крольчиха*, *кошка*. *Кошка* и *утка* – не обязательно «мамы» и даже не обязательно самки животных, а существительные с суффиксом *-их-* – единственное продуктивное средство образования названий самок животных. В «Русской грамматике» указано, что такие слова образуются от существительных мужского рода, обозначающих животных вне зависимости от пола (*дельфиниха*), в то время как от существительных женского рода (*акула*, *лягушка*) подобные единицы не образуются [8], однако в детской речи это ограничение снимается.

5. Остаются многочисленными относительные прилагательные с разнообразными суффиксами: *-ов-*, *-н-*, *-очн-*, *-ин-* (в *пóздвом платье*, *сольный человек*, *штанное (платье)*, *дамочный*, *занавесочная*, *котóвичный(?)*, *бельчинный*, *кабачкиный*, *человéчинная девочка*⁹, *ваннинный (для ванны)*, *рыб́инный*). Отмечены новые суффиксы *-ск/-ическ-* (*бассейнские тапки*, *леопардическая*). Зафиксировано три отглагольных прилагательных с суффиксами *-чив-*, *-льн-*, *-юч-*: *я выдумчивая*; *снимальный хвостик* (для игры в ката); *ходючий детский сад* (в стихотворении

⁶ Этот суффикс в «Русской грамматике» отмечен только у отсубстантивных существительных.

⁷ В 4,1,23: «*Мама кенгуриха... кенгурица... нет, кенгуру!*»

⁸ В 4,4,29: «*Я не испанка, я петербуржска*».

⁹ В 4,1,22: «*Все-таки я челóвéчинная девочка**. Это не так уж очевидно, поскольку постоянно играет в ката или других животных».

С.Я. Маршака есть строчка: «Не такой, как все сады, Этот сад ходячий». Вспоминая стихотворение, ребенок то ли модифицировал суффикс, то ли образовал слово заново с другим суффиксом).

6. Возросло количество притяжательных прилагательных с суффиксами *-ий, -ячий* (*котячий, верблюдий, Винни-Пушья, балеринье, телепузичий*). Появился новый суффикс *-ичий*: *лошадичий*. Отмечено прилагательное, образованное от собственной инновации, которую трудно назвать словообразовательной, так как она не мотивирована деривационно и носит фоносемантический характер: *китики-бититики*, но в *китико-бититичью страну* – вполне закономерное образование притяжательного прилагательного. Заметим, что есть еще слова, не мотивированные деривационно, – *тикакуся* (об обезьянке) и *афликация*: «4,1,12 *Всё. Афликация* коней. – *Почему афликация?* – *Ну, потому что много.* Возможно, от аппликация (в садике узнала)».

7. Зафиксировано много случаев имперфективации, в изобилии присутствовавшей и от 3 до 4 лет, причем вместо *-а-* чаще используются суффиксы *-ива-/-ыва-* (*спадывают, приснивается, заползывать, засунывают, уронивать, пробегиваться, перехатывает, перенашивает*), но бывает и наоборот (*высушить, вытряхала, унесал, подкрадывается*). Отмечен только один пример образования глагола совершенного вида от имперфектива: *улетел* (от *улетывать*: *куда папа улетел?*). Таким образом, прежде всего для ребенка оказывается необходимым передать значение не ограниченного пределом целостного действия. Характерно, что все это приставочные глаголы: от них возможна или имперфективация (что и делает ребенок), или депрефиксация типа **ронить* от *уронить* (таких случаев не встретилось). У некоторых глаголов в норме видовой пары нет: это несоотносительные глаголы либо совершенного (*присниться, перехотеть, переносить*), либо несовершенного вида (*улетывать*) – ребенок заполняет абсолютные языковые лакуны. Остальные парно-видовые глаголы, от которых образованы окказионализмы, в норме имеют пары, но другие, как правило, сопровождающиеся дополнительными грамматическими трудностями: усечением основы, перемещением ударения или чередованием гласных корня или согласных на конце основы (*засунуть – засовывать, унести – уносить, уронить – ронять, пробежаться – пробегаться, высушить – высушивать, подкрасться – подкрадываться*). Иногда ребенок выбирал другой суффикс, ср. примеры выше и норму: *спасть – спадать, заползти – заползать, вытряхнуть – вытряхивать*.

Подобные ошибки будут встречаться и значительно позже (*увольнивают с работы; очистивали аквариум, 7,4*).

8. Префиксально-суффиксальное образование наречий от прилагательного – в этот период таких слов три (ранее было одно): *по-цыплячьему, по-котячьему, кричали по-человеческому*. Сравните в речи Жени Гвоздева в 4,9,9: «*Ты пиццишь по-самоварьему*» [9, с. 314].

9. Суффикс однократности *-ну-* также отмечался прежде, а в рассматриваемый период это одно слово – *киднуть* («*Можно еще раз раскидайчик киднуть?*»).

10. Сложение стало более продуктивным и изменилось качественно. Если прежде это было в основном простое соединение существительных (*ремешок-змея*) и отмечены лишь первые случаи сложения основ с суффиксацией (*красноглазка и длинноглазый* – о двух куклах с удлиненными глазами), теперь

все примеры – сложение или сращение с суффиксацией, причем производящие слова относятся к разным частям речи: *дваголовая чашка*, *другаягруппочная девочка* (сращение), *многоколючница*, *сладкоежка-кефирешка*, *детскосадочный*, *какбудтошное какао* и *кверхногамашный дом*¹⁰. (К двум последним примерам примыкают еще два: *целикомашина слива*, *я босикомашинная* – с тем же необычным суффиксом, который явно нравился ребенку. Вероятно, к таким примерам подходит определение А.М. Шахнаровича: «...это аналогии особого рода: это подражание себе» [10, с. 203]).

В книгах С.Н. Цейтлин не рассматриваются случаи сложения, однако в словаре «Говорят дети» оно упомянуто [11, с. 7] и приведены два примера образования слова путем сращения и суффиксации: *никуда не пускать* — *никуда не пускатель* (4 года) [11, с. 91] и *лучше всех ний* (3 года) [11, с. 76]. В другом словаре, который, по мнению С.А. Смирновой, «представляет собой лингвистическую базу данных детской речи» [12, с. 1501], приведен пример *полиэтиленочка*: «*Это ленточка такая полиэтиленовая, для красоты. Полиэтиленочка, в общем.* (Даша С.; 7,2) Полиэтиленовый + ленточка. Сращение словосочетания с усечением финали основы одного из слов» [13, с. 132].

Зафиксировано несколько инноваций, построенных по новым моделям, но однократно или двукратно: с суффиксом *-ушк-* (*всегдаушки* – ‘тапочки’, информант объясняет: всегда живут; *темнушка* – о темном месте); *изгрязнишь*, *вытяпывать*, *украсивилась*, *украсивила*.

Слова *всегдаушки* и *темнушка* необычны: в норме нет отадвербиальных образований с суффиксом *-ушк-*. Однако, кажется, что здесь, скорее, можно «говорить не об окказиональных моделях, а о единичных инновациях» [1, с. 379].

Модель, по которой построен глагол *изгрязнить* («*Не ходи по моему полу: ты все изгрязнишь*»), у С.Н. Цейтлин не рассматривается, однако в «Русской грамматике» указано: «§ 889. Глаголы, мотивированные прилагательными, имеющие знач. “наделить в изобилии тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным”: истончить (сделать совсем тонким)... Тип проявляет продуктивность» [8, с. 375]. Модель, по которой создана инновация *вытяпывать*, тоже не описана автором, но в «Русской грамматике» тип упомянут как продуктивный: «§ 914. Глаголы с преф. *вы-* и суф. *-ива-* имеют знач. “тщательно, интенсивно совершать действие, названное мотивирующим глаголом, отчетливо выделяя каждый акт этого действия”: *вытанцовывать* (старательно танцевать, отчетливо выделяя каждую фигуру танца)» [8, с. 381].

С.Н. Цейтлин отмечает, что подобная модель образования глагола от прилагательного с префиксом *у-* и суффиксом *-и-* активно используется детьми [1, с. 375]. После вопроса взрослого ребенок поясняет свой окказионализм: «*Это двор я украсивила. – Что? – Двор я буду красивым делать*».

Глагол *украсивилась* (употреблен дважды: о себе, в бархатном платье; позже – о маме) построен по той же модели, что и *утишииться* (отмечен в предшествующий период). Подобные окказионализмы часто встречаются в речи детей: *убольшиться*, *усильниться*, *утолститься*, но в нормативной речи они редки. С.Н. Цейтлин указывает, что в детской речи подобная модель отличается очень

¹⁰ В 4,1,26: «*Кромеэтажный домик*. О стуле. Кажется, первый корень – что-то вроде филлера, поскольку не запомнила корень “много”».

высокой степенью продуктивности, и отмечает, что большая часть детских префиксально-суффиксально-постфиксальных дериватов образована по окказиональным моделям [1].

Уникальны примеры, созданные в результате многошаговой деривации: *кошечки завидаются; зачем я сделала такое разлепёшенное лицо? Как оладушек** (то есть плоское); *почему ты папу запрашиваешь вспоминать?; в таком располохе; смотринки; дотрогивалка* (о себе).

Далее рассмотрим, какие типы инноваций, продуктивные в предшествующие периоды, исчезли.

1. Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин-*; их было много до 3 лет и всего два от 3 до 4. Однако стремление выразить идею посессивности не исчезло и реализуется другими суффиксами, более сложными, хотя и не более продуктивными (см. выше).

2. Диминутивы; отмечены только *стольчик* и *стулик* (и то, возможно, это результат перестановки суффиксов) и необычное образование с суффиксом *-еньк-* от порядкового числительного (*третьенькая остановка*). Любопытно, что полностью исчезли и окказионализмы с суффиксами увеличительности

Эти две, самые ранние, словообразовательные модели, теперь освоены и поэтому уже не используются ребенком в создании окказионализмов. Ребенок как будто потерял интерес к тому, чем уже овладел.

3. Инновации, обозначающие детенышей животных (бывшие многочисленными именно от 3 до 4 и отсутствующие теперь). В данном случае причина их исчезновения могла быть внеязыковая: ребенок перестал играть в детенышей животных, и слова оказались невостребованными. Потребность в вербализации этого фрагмента действительности исчезла – исчезла и модель.

4. Относительные прилагательные с суффиксами *-ичн-/ -ишн-/ -аст-/ -ист-* (используются другие суффиксы, более продуктивные, см. выше).

5. Почти исчезло префиксальное образование глаголов, весьма активное в возрасте от 3 до 4. Отмечено всего три глагола (а было 18), и два из них употреблены в форме краткого страдательного причастия прошедшего времени: *причѐним*, *уклеена* (имеется в виду: лейкопластырями), *приделены к лесу*. Можно высказать предположение, что ребенок отказался от таких инноваций, поскольку значение префиксальных глаголов не всегда понятно даже в контексте в силу многозначности приставок – и значит, нарушает коммуникацию. Свойство модели однозначно передавать лексическое значение построенных по ней слов предлагаем назвать ее коммуникативной прозрачностью. Напротив, если такой однозначности нет, модель является коммуникативно непрозрачной.

6. Отглагольная постфиксация была частотна до 4 лет, при этом, как и бывает в речи детей, не отмечалось «семантического различия между производящим и производным глаголом» [1, с. 158]: «*Я достанусь до этих книжечек или не достанусь?*»; «*Вот корова и козочка. Они дружатся*». Теперь таких слов стало меньше: *выздороветься* («*Почему он не может выздороветься?*»), *лопнуться* в значении ‘раскрылся’ («*Второй мак лопнулся! Теперь по каждому дню будут маки лопаться!*»), *мочиться* («*Я пойду по сухоте, не хочу мочиться*»), зато появляются «противоположные» случаи: отбрасывания постфикса, тоже семантикой не наполненного.

7. Слово с приставкой *не-* тоже одно – *нерукодельница* (было три): «Сказка есть – *нерукодельница* и *рукодельница* – вспомнила сказку про рукодельницу и

ленивицу, которую я ей рассказывала». С.Н. Цейтлин пишет, что образование антонимов от существительных и прилагательных путем присоединения этого префикса, «безусловно, продуктивный тип» [14, с. 90]. Казалось бы, это так, но окказионализмов подобного типа практически нет. Нельзя исключать, что слова, самостоятельно созданные ребенком таким образом, совпали с нормативными словами и поэтому остались незамеченными.

Делая общие выводы, можно сказать, что у детей дошкольного возраста есть предпочитаемые словообразовательные модели: следуя аналогии, большинство хотя бы один раз создает по ним слова. Это диминутивы; притяжательные и относительные прилагательные; имперфективы; отглагольные существительные, обозначающие отвлеченный процессуальный признак; отсубстантивные родовые корреляты, особенно с суффиксами женскости; отглагольные и отагдъективные существительные со значением лица или предмета; глаголы с суффиксом однократности и др. В речи Жени Гвоздева в 3,9 были зафиксированы слова *пивну* и *скабльну* [9, с. 301]. Примеры из словарей детской речи прежних лет дополняются примерами из речи современных детей – они редко совпадают, но деривационно однотипны: *баловнемся разок – и спать, печатну на машинке, страус может немножко взлетнуть* [11].

Некоторые утверждения С.Н. Цейтлин требуют пояснения. Таково высказывание о том, что случаи совпадений в речи разных детей сконструированных ими слов (в отличие от формообразовательных инноваций типа *рисовая, ухи, человеки*) крайне редки – инновации будут «авторскими» [15]. Словообразовательные модели, востребованные многими детьми, типичны – речь, по всей вероятности, идет о редкости совпадений конкретных слов в речи разных детей. Действительно, поскольку возможные комбинации разнообразных производящих основ, аффиксов и их сочетаний чрезвычайно многочисленны, детские инновации, даже самые простые, редко совпадают. Конечно, отдельные примеры совпадений есть: в речи Лизы была *грецкая ваза*, а в речи ее старшего брата, в другое время и в другом возрасте, – *грецкий язык; убольшить* тоже говорили оба ребенка. Многие дети говорят *льзя* и *брежно*, отсекая часть *не-*, воспринимаемую как приставку.

Интересно, что ранее С.Н. Цейтлин считала возможным наличие в речи разных детей одинаковых инноваций. В предисловии к «Словарю детских словообразовательных инноваций» указано, что в словарь не включаются «так называемые “общедетские слова”, которые не изобретаются каждым ребенком заново, но передаются из поколения в поколение, например, “*бояка*”, “*вóда*” – о том, кто водит в игре», и подчеркивается, что их «не следует путать... с частотными детскими инновациями, создаваемыми многими детьми независимо друг от друга» [13, с. 5]. Сегодня такими «общедетскими» словами будут уже другие, например *однёрка* (единица). Слово *вóда* в значении ‘водящий’ сегодня нередко используется и взрослыми.

Судя по нашему исследованию, ребенок использует «правильные», «хорошие» словообразовательные модели: то есть «окказиональное словообразование по имеющимся в языке моделям» [15, с. 41], как и полагается монолингву с нормотипичным развитием.

Как отмечено в дневнике (об информанте в возрасте 4,8,6), «общее впечатление от речи Лизы – впечатление речи правильной, почти нормативной. Даже фонетика уже не так сильно отличается от нормы (не совсем правильно – шипящие и дрожащие). Но если записывать, видишь, сколько окказионального в речи.

Я записываю далеко не все». Заметим, что почти все модели из отмеченных выше (за исключением некоторых «эксклюзивных») описаны в книгах С.Н. Цейтлин, то есть являются типичными в детской речи, но далеко не все модели, описанные ею, используются ребенком. Возможно, дело не в возрасте, а в индивидуальных отличиях окказионального словообразования у разных детей. Однако этот вопрос требует дальнейших исследований.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
2. *Цейтлин С.Н.* К вопросу о словообразовании в русской детской речи // Рос. гуманитар. журн. 2021. Т. 10, № 2. С. 99–110. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.2.4>.
3. *Введенская Н.М.* Каркас русской грамматики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78>.
4. *Елисеева М.Б.* Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: ЯСК, 2015. 344 с.
5. *Елисеева М.Б.* Суффиксальные словообразовательные модели в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия: материалы ежегодной междунар. науч. конф. Иваново: Листос, 2019. С. 152–156.
6. *Елисеева М.Б.* Онтогенез словообразования в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 196. С. 86–96. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96>.
7. *Трифонова Т.А.* К вопросу о разграничении метаязыковой деятельности и языковой рефлексии детей // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 196. С. 61–68. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>.
8. Русская грамматика: в 2 т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др. М.: Наука, 1980. 783 с.
9. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-пресс, 2007. 470 с.
10. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Либроком, 2018. 328 с.
11. Говорят дети: словарь-справочник / С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Л.Н. Галактионова, Т.А. Трифонова. СПб.: Изд-во РГПУ, 2021. 175 с.
12. *Смирнова С.А.* «Словарь детских словообразовательных инноваций» С.Н. Цейтлин как лексикографический информационный ресурс //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 1497–1502. <https://doi.org/10.30853/phil210217>.
13. Словарь детских словообразовательных инноваций / Авт.-сост. С.Н. Цейтлин. СПб.: Златоуст, 2006. 201 с.
14. *Цейтлин С.Н.* Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ, 2013. 407 с.
15. *Пивень А.В., Доброва Г.Р.* Словообразовательные инновации детской речи: потенциальность и уникальность // Филологич. класс. 2014. № 2 (36). С. 39–45.

Поступила в редакцию 10.01.2024

Принята к публикации 05.03.2024

Елисеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкового и литературного образования ребенка

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191086, Россия

E-mail: melyseeva@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 1, pp. 118–130

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.118-130

Derivational Occasionalisms in the Speech of One Child Aged from Four to Five Years

M.B. Eliseeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191086 Russia

E-mail: melyseeva@yandex.ru

Received January 10, 2024; Accepted March 5, 2024

Abstract

This article explores the dynamics of various techniques used by children to create occasionalisms, focusing on the derivational innovations of one child at the age from four to five years and before turning four years (as shown by the earlier research). The results of a qualitative and quantitative analysis of the directions of derivation (direct, reverse, and substitutive) were thoroughly studied. All ways in which the child derived words were examined. The part-of-speech nature of both motivating and motivated (innovations) words was described qualitatively and quantitatively. The models that the child used as analogies to derive occasionalisms were considered and compared for both ages. The primary reasons behind the decline in relevance of certain derivational models with age were singled out: no urge to speak about certain elements of the real world, mastering the model in the previous period and losing interest in its formal side, communication transparency (ensuring that adults can understand the intended meaning without ambiguity), and the productivity of morphemes. The emergence of new derivational models (general and specific) in the child's speech was discussed. The question of typical and individual features of derivation in children was raised

Keywords: ontolinguistics, speech ontogenesis, derivation of occasionalisms by children, children's innovations, occasionalisms, individual language system

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Figure Captions

Fig. 1. The directions of derivation and the ways in which the child aged from four to five years forms words.

Fig. 2. The part-of-speech ratio (%) of derivational innovations used by the child aged from four to five years.

Fig. 3. Types of derivational innovations according to the part-of-speech nature of the base word used by the child aged from four to five years.

References

1. Tseitlin S.N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays about Inflection and Derivation in Children's Speech]. Moscow, Znak, 2009. 592 p. (In Russian)
2. Tseitlin S.N. On derivation in the speech of Russian children. *Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 99–110. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.2.4>. (In Russian)

3. Vvedenskaya N.M. Russian grammar framework. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2023, vol. 165, no. 3, pp. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78>. (In Russian)
4. Eliseeva M.B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoï sistemy rebenka: rannie etapy* [Language System Development in Children: Early Stages]. Moscow, YaSK, 2015. 344 p. (In Russian)
5. Eliseeva M.B. Suffixal derivation models in the speech of children aged between 3 and 4 years (a case study). *Sovremennaya ontolingvistika: problemy, metody, otkrytiya: materialy ezhegodnoi mezhdunar. nauch. konf.* [Modern Ontolinguistics: Problems, Methods, and Breakthroughs: Proc. Annu. Int. Sci. Conf.] Ivanovo, Listos, 2019, pp. 152–156. (In Russian)
6. Eliseeva M.B. The ontogenesis of word formation in a child's speech between 3 and 4 years of age (a case study). *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2020, no. 196, pp. 86–96. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96>. (In Russian)
7. Trifonova T.A. On differentiating metalinguistic activity from language reflection in children. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena*, 2020, no. 196, pp. 61–68. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>. (In Russian)
8. Avilova N.S., Bondarenko A.V., Bryzgunova E.A. et al. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Shvedova N.Yu. et al. (Eds.) Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology. Moscow, Nauka, 1980. 783 p. (In Russian)
9. Gvozdev A.N. *Voprosy izucheniya detskoï rechi* [Problems of Studying Children's Speech]. St. Petersburg, Detstvo-Press, 2007. 470 p. (In Russian)
10. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Shakhnarovich A.M. *Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and Applied Problems of Speech Communication]. Moscow, Librokom, 2018. 328 p. (In Russian)
11. Tseitlin S.N., Eliseeva M.B., Galaktionova L.N., Trifonova T.A. *Govoryat deti: slovar'-spravochnik* [Children Talk: A Reference Dictionary]. 2nd enlarged ed. St. Petersburg, Izd. RGPU, 2021. 175 p. (In Russian)
12. Smirnova S.A. The Dictionary of Children's Derivational Innovations by S.N. Tseitlin as a source of lexicographic information. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki (Philology. Theory & Practice)*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 1497–1502. <https://doi.org/10.30853/phil210217>. (In Russian)
13. Tseitlin S.N. *Slovar' detskikh slovoobrazovatel'nykh innovatsii* [The Dictionary of Children's Derivational Innovations]. St. Petersburg, Zlatoust, 2006. 201 p. (In Russian)
14. Tseitlin S.N. *Lingvisticheskie etyudy* [Linguistic Essays]. St. Petersburg, Izd. RGPU, 2013. 407 p. (In Russian)
15. Piven' A.V., Dobrova G.R. Derivational innovations in children's speech: Potential and originality. *Filologicheskii Klass*, 2014, no. 2 (36), pp. 39–45. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Елисеева М.Б. Словообразовательные окказионализмы в речи одного ребенка в возрасте от 4 до 5 лет // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 118–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130>. ⟩

⟨ **For citation:** Eliseeva M.B. Derivational occasionalisms in the speech of one child aged from four to five years. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 118–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130>. (In Russian) ⟩